

*«Не нужно комнат привиденью,
Не нужно дома...»*

Эмили Дикинсон (пер. А. Бергера)

Перед вами книга, в которой воспоминания совмещены с повествовательной нон-фикшн историей. История Лайзы ограничена детской памятью. Мы понимаем, что у других людей могут быть иные воспоминания о тех же событиях. Но все, что связано с Тони Костой и его преступлениями, описано по оригинальным документам и источникам: полицейским рапортам, документам детективов, расшифровкам интервью, судебным документам, результатам психологических и медицинских обследований Тони. Мы использовали материалы девяти исследований на полиграфе и выдержки из многочисленных медицинских документов. Нам повезло — мы сумели получить более пятидесяти часов записей интервью с Тони Костой во время его пятнадцатимесячного заключения в тюрьме Барнстейбл. Кроме того, мы побеседовали с десятками тех, кто знал Тони и был свидетелем всего произошедшего.

Ради ясности понимания мы внесли в материалы незначительные грамматические и редакторские исправления. Некоторые имена и важные детали были изменены.

Пролог КОШМАР ЛАЙЗЫ

2005 год

— Закрой глаза и считай до десяти, — прошептал он. Я почувствовала его дыхание на щеке. Ствол пистолета холодил лоб. Я стала считать. Когда я открыла глаза, он исчез.

Я подскочила на постели, задыхаясь и обливаясь потом. *Что за чертовщина?!*

Ночь выдалась безлунной, и в комнате царил непроглядная темень. Очередной кошмар. Кошмары мучили меня почти два года, и с каждым разом становились все более жестокими и яркими. Каждый раз меня преследовал незнакомец с ножом или пистолетом. Я пыталась узнать его, но не могла рассмотреть лица, словно на нем была черная балаклава. Когда он находил мое укрытие, лицо его начинало проявляться, но в этот момент я просыпалась. Сердце мое колотилось как бешеное, адреналин наполнял все тело, и ноги начинали болеть.

Но этот кошмар был другим. Во сне я снова была маленькой девочкой, лет девяти-десяти. В летней пижаме я брела по длинному гостиничному коридору. Неожиданно путь мне преградил мужчина со скрытым ли-

цом. Он прижал меня к стене, приставил пистолет ко лбу. Я посмотрела на него и наконец-то разглядела его лицо. Этого человека я не видела с детства, когда жила в Провинстауне, штат Массачусетс.

Тони Коста.

Тони работал ремонтником в приморском мотеле, где моя мать летом работала горничной. Он чинил сантехнику и мебель. Его все любили, особенно я. Он был частью непрерывной череды так называемых нянь, которых мама нанимала присматривать за мной и моей младшей сестрой Луизой. Мама ухитрялась найти няню быстрее, чем произносится это слово. Она останавливала людей в супермаркетах, на почте или автозаправке и спрашивала: «Не хотите поработать бэбиситтером?» Чаще всего люди смотрели на нее как на сумасшедшую. Никто не понимал, как она может доверить детей первому встречному — ведь даже сантехнику или автомеханику требуются рекомендации. Но некоторые соглашались. Таким человеком стал Тони, причем оказался он одним из лучших. Он был одним из немногих по-настоящему добрых взрослых людей в тот период моей жизни. Но в 1969 году, когда мне было десять, Тони исчез. Я не знала почему — просто пропал.

Почему же Тони Коста вернулся в мои сны? Почему он приставлял пистолет к моей голове и улыбался, щерясь, как волк? Я вспоминала его только добром: Тони был хорошим парнем. Он никогда не кричал, не бил меня. Рядом с ним я никогда не чувствовала себя маленькой, страшенькой и нежеланной. Я боялась матери, но никак не Тони. И когда он неожиданно появился в ужасном кошмаре, это меня озадачило.

Идти мне было некуда, и я сделала то, от чего давным-давно зареклась — попросила помощи у матери. Я пригласила ее на ужин. К нам с Тимом она приехала

уже навеселе. Поднимаясь на крыльцо, она явно покачивалась. Ей уже исполнилось семьдесят. Куда бы она ни пошла, в сумочке у нее всегда была пластиковая бутылочка джина.

— Веселые были времена, — сказала она, усаживаясь за стол и покачивая бокалом, где весело звякали кубики льда.

Воспоминания о лете, проведенном в Кейп-Код, когда она была симпатичной разведенкой тридцати лет, ей были приятны. Тогда большую часть свободного времени она проводила в разных барах и танцевальных клубах. Поклонники у нее не переводились. Мама сделала большой глоток джина и откинулась на спинку стула, а я добавила последние приправы в суп, стоявший на плите.

— Мама, а не случилось ли со мной тогда чего-то такого, о чем ты мне не рассказывала? — спросила я, пораженная неожиданной мыслью.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла она.

— Я говорю про Тони Косту.

— Тони Косту?! Почему ты все еще о нем думаешь?

— Я не думала, пока у меня не начались кошмары.

— О господи, снова ты и твои сны, — хохотнула мама, делая очередной глоток.

— Но на этот раз мне приснилось нечто ужасное. И я не понимаю почему. Он всегда был так добр ко мне... Что ты о нем помнишь?

Мама промолчала. Я перестала помешивать суп и повернулась к ней, ожидая ответа. Мама уставилась на свой стакан. Она редко умолкала, чтобы обдумать свои слова, поэтому я с любопытством ожидала, что она мне ответит.

Она снова покачала бокалом и спокойно, словно читая прогноз погоды, ответила:

— Я помню, что он оказался серийным убийцей.

У меня закружилась голова. У меня сохранились разрозненные воспоминания об убийствах в Провинстауне в те годы, когда мы там жили, но мне никто не говорил, кто был убийцей. Я вспоминала обрывки ужасных преступлений — слегка прикопанные трупы, вырезанные сердца, отметины зубов на трупах...

Неожиданно мне припомнилась картинка — такая же яркая и живая, как кастрюля с супом на моей плите. Две мои маленькие загорелые ступни лежат на торпедо хозяйственного пикапа того мотеля. Между пальцами застряли песчинки, на ногтях больших пальцев остатки красного лака. Мне нравилось, как хорошо загорели ступни за долгое лето, проведенное практически без обуви. И вот я положила их на торпеду и поворачивала в разные стороны, восхищаясь собственной красотой. Я никогда не была красивой, как мама, но ступни мои не уступали ее ногам. Пикап, как всегда, вел Тони Коста.

Я тряхнула головой, чтобы отогнать видение и снова повернулась к маме:

— Серийным убийцей?! Тони?! Бебиситтер?!

— Да не драматизируй ты, — отмахнулась мама. — Он не был *бебиситтером*. Он был *ремонтником*.

Мне показалось, что кто-то ударил меня под дых.

— Ремонтник в мотеле... — повторила я, и мне стало ясно, откуда в моем кошмаре длинный гостиничный коридор.

— Но мы с Луизой ездили вместе с ним по всему Кей-пу, — пробормотала я. — Он брал нас с собой на свалку и в лес Труро.... Тони был *Вампиром из Кейн-Кода*? Наш Тони? *Серийный убийца*?

Я не могла подобрать слов.

— Да, ну и что? — ответила мама, потянувшись за джином. — Он же *тебя* не убил, верно?

Глава 1

ТОНИ

Антон Чарльз «Тони» Коста родился сразу после полуночи, 2 августа 1944 года. Его мать, Сесилия, была замужем за его отцом, Антоном Фонсека Костой. Они поженились в 1928 году и пятнадцать лет безуспешно пытались завести ребенка. Наконец Сесилия забеременела, а Антон, помощник плотника на американской военно-морской базе, вернулся на Тихий океан, где шла война. Сесилия больше никогда его не видела, а он не увидел своего сына и тезку. 21 апреля 1945 года Антон утонул на Новой Гвинее, пытаясь спасти своего боевого товарища. Это произошло в последние дни Второй мировой войны. Маленькому Тони было всего восемь месяцев.

После смерти Антона прошло всего пять месяцев. Незамужняя Сесилия забеременела от мужчины, который был на четырнадцать лет ее младше. Джозеф Бонавири владел небольшой каменоломней в Сомервилле, рабочем городке, севернее Бостона. После проблем, пережитых с Антоном, отношения с молодым каменщиком мгновенно увенчались беременностью, хотя в ее квартале, где жили преимущественно католики и иммигранты, подобное поведение не приветствовалось. Сесилия и Джозеф поженились в мае 1946 года. Через шесть недель у них родился сын. Винсент, «Винни» Бонавири, родился спустя почти два года после своего сводного брата Тони.

Тони вырос красивым мальчиком с яркими, сияющими глазами. Но, становясь старше, он сделался буквально одержим своим погибшим отцом. Он снова и снова упрашивал Сесилию рассказывать ему об отважном Антоне, герое войны. Это была его любимая сказка на ночь. Позже он говорил, что в мельчайших деталях помнил похороны отца, хотя в тот момент ему было всего четыре года. Тони часами мог перебирать вещи отца, присланные флотом с Тихого океана. Больше всего ему нравилась отцовская парадная форма. Письмо от командования Тони с гордостью носил в школу и показывал одноклассникам. А еще ему страшно нравился огромный нож, который можно было бы назвать кинжалом¹. Нож лежал в самодельных кожаных ножнах. Сесилия старалась отвечать на все вопросы Тони, но интерес мальчика к погибшему отцу — и главным образом к тому, как он погиб — превратился в навязчивую идею.

В семь лет Тони рассказал матери, что по ночам к нему в комнату приходит «человек», который с ним разговаривает. Сесилия показала ему фотографию отца, и Тони кивнул: «Да, это он». Тони никогда не рассказывал, были ли эти посещения чистой фантазией, навязчивой идеей, детскими ночными кошмарами или к нему действительно приходил какой-то мужчина.

Каждое лето Сесилия отвозила Тони и Винни к сестре, в Провинстаун. Там она работала горничной в мотеле, а мальчики были предоставлены сами себе. Хотя Сесилия родилась в этом городе, Тони и Винни здесь считали чужаками и вечно задирали. Они никогда не чувствовали себя здесь своими. Хотя братья с детства были неразлучны (их даже называли Тони-энд-Винни и Винни-энд-Тони²), Тони вечно подначивал младшего брата: «Винни, тощий, мелкий кролик, с глазками-равиоли! Сунем его в печку, приготовим из него картошку!»³

Летом Тони и Винни часто играли с местным мальчишкой, Фрэнком Гаспаром. Тот жил в Провинстауне круглый год. Он происходил из португальской семьи — местные португальцы работали на рыбоперерабатывающем заводе, а их жены на воскресный обед готовили пасту с моллюсками или макрель в вине с чесноком. Целыми днями они перекрикивались между собой на смеси языков. Семья Фрэнка целый год жила на то, что зарабатывала летом. Летом деньги поступали исправно, а вот холодные месяцы превращались в настоящий кошмар — семья редко могла позволить себе такую роскошь, как отопление и горячая вода.

Тони с самого начала отличался от других детей — он был умнее, хитрее и более замкнутым. Фрэнк Гаспар вспоминал, что Тони «вечно был где-то не здесь, хотя находился рядом»⁴. Однажды мальчишки отправились на пляж, и Фрэнк попросил Тони подождать, пока он захватит что-то со двора.

— Время и приливы никого не ждут, — заявил Тони. Он указал на себя, потом на Винни и пояснил:

— Я — время, он — прилив.

Фрэнк подумал, что это самые умные слова, какие он когда-либо слышал в жизни.

Тогда мальчишки собирали купоны из комиксов и заказывали на них разные волшебные предметы — наборы супергероев, рогатки, рентгеновские очки, криптонит и игрушечных солдатиков. Тони же не стал заказывать дешевые игрушки, а выбрал себе набор таксидермиста по каталогу «Сирс». Позже Винни вспоминал, что чучельник из Тони получился неважный: «Он не смог бы набить даже сосиску»⁵. Тем не менее Фрэнк замечал, что Тони убивает и потрошит мелких животных, хотя ни одного чучела никто так и не увидел.

Зимой в Сомервилле Тони держал набор таксидермиста в подвале своего дома на Хадсон-стрит в квартале Винтер-Хилл (именно здесь действовала печально известная банда Уайти Балджера). Тони целыми днями экспериментировал с химикатами и инструментами. Позже в районе вспоминали, что в те годы исчезало множество домашних животных, больше всего кошек, но тогда никто не связал эти таинственные исчезновения с юным Тони Костой. Кошки вечно убегают...

Несмотря на то что Тони кучу времени тратил на мертвых животных и набор таксидермиста, учился он хорошо. В школе его считали одаренным учеником, он пользовался популярностью. Когда ему исполнилось одиннадцать, Джозеф Бонавири взял его на работу в свою компанию. Тони умел хорошо считать в уме. Он отлично справлялся с бухгалтерскими расчетами — умело подсчитывал доходы, налоги, страховку, социальные вычеты. Его расчеты могли удовлетворить даже самого придирчивого аудитора. Бонавири прозвал своего приемного сына Чудо-ребенком⁶. Когда Тони исполнилось тринадцать, он получил рекомендацию в старшую школу Вестерн-Джуниор, где отмечались его «поразительный дух сотрудничества и честность». Учитель английского вспоминал, что он был очень спокойным юношей, которого все любили.

Тони не исполнилось еще и двенадцати, когда в Провинстауне, куда семья приехала на лето, местный парень заманил его в подвал собственного дома, связал и изнасиловал⁷. Как это часто бывает с сексуальным насилием в отношении детей, в полицию никто не заявлял. Тони никогда не рассказывал, кто был насильником. Неизвестно, было ли это однажды или несколько раз. Говорил он лишь, что это был «старший мальчишка». Спустя более пятидесяти лет, в 2009 году, бывшая жена Тони

по-прежнему отказывалась называть насильника. Она говорила лишь, что человек этот до сих пор жив и все еще живет в Провинстауне. Но жена Тони была твердо уверена, что «те события оказали сильное влияние на психику мужа»⁸.

Похоже, в Провинстауне Тони подвергался сексуальному насилию не единожды. Местный мальчишка, Кори Деверо, который дружил с Тони, рассказывал, что «каждое чертово воскресенье»⁹ он сам и другие мальчишки подвергались сексуальному насилию со стороны приходского священника церкви Святого Апостола Петра, отца Лео Дуарте. Когда Деверо было семь лет, священник напоил его и других алтарников вином со специями, сказав, что это «кровь Христова». А потом Дуарте стал уводить мальчишек по одному в укромный уголок. В отличие от нападения «старшего мальчишки» на Тони, о насилии над Деверо стало известно полиции — его нашли на улице без сознания, и полиции пришлось разбираться. Городской врач, доктор Дэниел Хиберт и начальник полиции Фрэнсис Маршалл обо всем рассказали матери мальчика, и эта история вышла на свет.

Но «насильникам ничего не было» — неудивительно, что Кори до сих пор преисполнен гнева и ненависти к католической церкви, покрывающей священников-педофилов. Хотя прошло уже шестьдесят лет, но чувства его все еще сильны.

Кем бы ни был насильник Тони и что бы мальчик ни почувствовал из-за изнасилования, вера в Бога у него пошатнулась. Хотя Тони женился и крестил детей в церкви, на службы он никогда не ходил — пока не попал в тюрьму за убийство первой степени. Там он посещал церковь почти каждый день.

3 августа 1960 года Тони исполнилось шестнадцать. На деньги, оставшиеся после смерти отца, Сесилия ку-